

ФРАНЦИСК АССИЗСКИЙ

(1181 или 1182 — 1226)

Итальянский проповедник,
основатель ордена францисканцев

В 1182 году у зажиточного торговца сукном итальянского городка Ассизи, Петра Бернадоне, родился сын, названный матерью при крещении Джованни, но затем переименованный отцом во Франциска. Биографы Франциска мало сохранили сведений о его родителях. Известно, однако, что отец Франциска был богат, так как торговля приносила ему хорошие доходы.

Когда Франциск подросток, его отдали в школу, находившуюся в те времена, как и везде, под кровом церкви. Наставниками Франциска были священники, научившие его немного латыни, а этот язык был наиболее распространен и употреблялся как для проповедей, так и в политических целях. Но Франциск, кроме того, знал и французский язык, которому, вероятно, научился в родной семье. Этим и ограничилось образование Франциска; он даже не научился хорошо писать и поэтому брался за перо лишь в исключительных случаях, предпочитая диктовать и подписывать свои писания простым крестом.

Отец и мать баловали его и не мешали ему

бросать деньги направо и налево. Их самолюбию льстило, что Франциска постоянно окружали дети богатых и важных дворян, которых он привлекал своею безумною расточительностью. Эти дворянчики, часто пользовавшиеся щедротами Франциска, составляли нечто вроде его придворного штата, поощрявшего все его похождения. Он часто гулял по улицам города по ночам, при свете факелов, окруженный толпой молодежи в богатых нарядах и держа начальнический жезл в руках. Такие процессии не раз смущали спокойствие жителей городка.

Отец Франциска сначала смотрел на поведение сына довольно снисходительно. Но вскоре чересчур громкие похождения и расточительность Франциска начали не на шутку тревожить Бернадоне, и он пробовал удерживать его, но безуспешно.

Как раз в это время политические события заставили встрепетаться всю Умбрию и Италию. После грозной борьбы с империей союзные республики добились признания. Проснувшийся дух свободы заявлял о своем

существовании, и даже маленький городок не оставался безучастным в борьбе, которая велась за независимость.

К сожалению, жители Ассизи не сумели воспользоваться приобретенной свободой. Сознание собственной силы вскружило им голову, и они вздумали завладеть имуществом дворян, которые заперлись в своих замках и дворцах; некоторые из замков были сожжены, и тогда графы и бароны обратились с просьбой о помощи к другим.

Перуджиа, находившаяся в то время в апогее могущества и давно уже точившая зубы на Ассизи, поспешила откликнуться на этот призыв и воспользовалась случаем, чтобы объявить войну ассизцам. Произошло столкновение на равнине, лежащей как раз посередине между двумя городами. Ассизцы были побеждены, и Франциск, находившийся в рядах сражавшихся, был взят в плен вместе с другими своими согражданами.

Плен продолжался целый год, и все это время Франциск поражал всех товарищей по несчастью своей необыкновенной веселостью. Он не проклинал судьбы и не жаловался, как они, а постоянно строил планы на будущее и охотно делился ими со всеми.

Наконец, между жителями Ассизи и победителями состоялось соглашение, на основании которого пленники были выпущены на свободу, и вместе с ними Франциск вернулся в Ассизи. Ему тогда исполнилось 22 года.

Вернувшись домой, Франциск принялся за прежний образ жизни и даже с еще большей страстностью бросился в вихрь наслаждений, – как будто желая наверстать потерянное время. Это был непрерывный ряд всевозможных пиров и оргий, которые в конце концов подорвали силы Франциска, и он опасно заболел.

Долгие месяцы больной находился между жизнью и смертью, и близость последней, впервые испытанная Франциском, была, вероятно, причиной нравственного перелома, со-

вершившегося в нем.

Оставив общество друзей, не понимавших ни его душевной тоски, ни совершившейся в нем перемены, Франциск стал искать уединения, и чем более размышлял о своей прежней жизни, тем отвратительнее она ему казалась. Наслаждения и удовольствия, которым он предавался некогда со всем пылом юности, потеряли для него всякую прелесть.

Чуткая душа Франциска начала сознавать все сильнее и сильнее противоречие между окружавшей его роскошью и нищетой, свидетелем которой ему приходилось быть. Прежде Франциск щедро раздавал милостыню, но не задумывался над чужими страданиями. Теперь же он проникался этими страданиями, и роскошь его жизненной обстановки становилась ему все более невыносимой.

Он ощущал в себе потребность действия; ему хотелось прокричать всем людям, чтобы они полюбили друг друга, воинам – чтобы они перестали проливать кровь, но он не знал, как поделиться ему с людьми тем беспредельным запасом нежности и любви, который накопился у него в сердце.

Франциск совершил паломничество в Рим. Настроение той эпохи, в которой он жил, конечно, должно было заставить его искать утешения и указаний в религии. Эти указания он нашел в христианском учении, в проповеди Христа, которая и придала осязательную форму его неясным стремлениям и побуждениям. Его путешествие в Рим ознаменовалось важным событием, решившим его дальнейшую судьбу. Много раз, подавая нищим милостыню и утешая их, он терзался вопросом, были бы он в состоянии переносить безропотно такую нищету. Тяжесть какой-нибудь ноши можно вполне оценить лишь тогда, когда взвалишь ее себе на плечи, и поэтому Франциск решил испытать на себе, каково быть нищим, ничего не иметь и находиться в зависимости от сострадания, а подчас и от каприза прохо-

жих.

На ступенях базилики св. Петра постоянно толпились нищие в лохмотьях, голодные и бесприютные. Франциск щедро раздал им милостыню, после чего, высыпав все оставшиеся у него деньги в церковную кружку, поменялся с одним нищим одеждой, нарядился в его лохмотья и в течение целого дня простоял на паперти голодный, протягивая руку за подачей.

Этот поступок доставил Франциску нравственное удовлетворение, которого жаждала его душа. Он одержал победу над своей природной гордостью и действительно приблизился к низшей братии, служению которой мечтал посвятить себя.

Старик Бернардоне, несколько не стеснявшийся своего сына, когда он тратил деньги на разные безумства и кутежи, возмутился, когда Франциск перестал пировать с товарищами и начал раздавать нищим все получаемые от отца деньги. Увещевания не действовали на Франциска, и, чтобы прекратить его расточительность по отношению к бедным, отец совершенно перестал давать ему деньги. Пропасть между отцом и сыном увеличивалась все более и более, несмотря на все старания кроткой матери, и вскоре они совсем перестали понимать друг друга. Франциск уходил на целые дни из дому и бродил, погруженный в свои мысли, по окрестностям города. Он чувствовал в себе прилив безмерной любви и сострадания к человечеству, но в то же время был так одинок, что ему не с кем было поделиться своими мыслями. Франциск пробовал поверять их разным людям, но ясно видел, что его или не понимают, или насмеются над ним. Он даже попробовал отправиться к епископу и излить ему душу. Но тот, так же как и все, к кому обращался «апостол нищеты» за сочувствием, не понял его и даже усмотрел в его мечтах нечто вредное и противоречащее учению церкви. Не встречая нигде отклика на

крик своей измученной души, жаждущей истины и утешения, Франциск все больше уходил в себя и стал искать вдохновения и утешения в обращении к Богу.

Однажды, чувствуя потребность помолиться, он зашел в маленькую часовню св. Дамиана, утонувшую в густой зелени окружающих ее оливковых деревьев и кустов. Он часто посещал эту полуразвалившуюся часовню и молился перед ее убогим алтарем. Взывая к Христу, чтобы Он указал ему путь к истине и добру, пролил свет в его душевные потемки, впечатлительный и нервный Франциск не раз, вероятно, впадал в состояние религиозного экстаза. И вот ему показалось однажды, что образ Христа оживает, и он слышит чудный голос, призывающий его к служению Богу истины. Душа Франциска исполнилась невыразимого блаженства, и он вышел из часовни словно обновленный.

С этого момента миссия Франциска определилась вполне. Душа его была преисполнена страстного обожания Спасителя, кроткий и любящий Образ которого как бы звал его следовать за собой и строго выполнять завет евангельской любви и смирения.

Выйдя из часовни, Франциск отдал все, что у него было, даже свою одежду, священнику и с этой минуты твердо решил уйти из отцовского дома и прежде всего заняться исправлением часовни св. Дамиана, которая стала особенно близка его сердцу после испытанных им здесь чудных минут.

Собственности у Франциска никакой не было, кроме нескольких кусков разноцветного сукна, подаренных ему раньше отцом, и лошади. Франциск связал эти куски, сел на лошадь и отправился в Фолиньо, самый коммерческий город в провинции, где ему не раз случалось бывать во время ярмарки. В Фолиньо он без особых затруднений продал свой товар и даже лошадь и богатую упряжь, и с легким сердцем отправился назад в Ассизи. Этим актом

он уже окончательно порвал все связи со своим прошлым, и поэтому не вернулся домой, а отправился к часовне св. Дамиана.

Между тем в доме Бернардоне заметили исчезновение Франциска. Отец его сам отправился на поиски сына в сопровождении своих родственников и соседей. Франциск, услышав приближение отца и страшась его гнева, спрятался в пещеру, где пробыл целый месяц, не показываясь никому. Только один из слуг отца, сочувствовавший Франциску, знал об его тайнике и приносил ему туда пищу.

Франциск, однако, понял, что долго скрываться не может и что в конце концов ему все-таки придется выйти из своего убежища. Притом не годилось ему, служителю Христа, бояться ни людского гнева, ни насмешек и вследствие этого воздерживаться от вступления на избранный им путь служения Богу. Эта мысль заставила его выйти из пещеры и явиться к отцу. Месяц, проведенный в пещере в одиночестве, не прошел для него бесследно. Одежда его пришла в ветхость, он имел изнуренный вид, так что, когда он показался на улицах Ассизи, его никто не узнал, и все его приняли за помешанного. Толпа уличных мальчишек устремилась за ним с криками: «Сумасшедший! Сумасшедший!» Заслышав крики, люди бросались к окнам, чтобы посмотреть, что делается на улице. Так поступил и Бернардоне, и его гнев не знал границ, когда он вдруг признал в оборванном безумце, которого преследовала насмешками и гиканьем толпа, своего сына Франциска!

Бернардоне бросился на него и в гневном ослеплении чуть не задушил. Он втащил его в дом, жестоко избил и, крепко связав, еле живого запер в полутемном чулане.

Однако ни побои, ни угрозы, ничто не действовало на Франциска и не могло поколебать его решимости. Он страдал, но постоянно думал о том, что Спаситель пострадал еще больше. Спустя несколько дней после возвращения

Франциска, мать его, сердце которой обливалось кровью при виде мучений сына, попробовала подействовать на него кроткими убеждениями, но видя, что и это тщетно, выпустила его на свободу, так как ей уже невольно было видеть его терзания.

Как только Франциск получил свободу, он немедленно отправился в часовню св. Дамиана. Отец страшно рассердился, не найдя его по возвращении, и даже побил жену за то, что она выпустила сына. Но так как он никак не мог примириться с мыслью, что сын его сделался посмешищем всего города, то ему пришлось в голову попытаться изгнать сына из Ассизи. С этой целью Бернардоне отправился в часовню. На этот раз Франциск не спрятался при его приближении, а кротко выслушал его ругань и затем объявил ему с твердостью, что никакая сила в мире не в состоянии поколебать его решения, и что так как он стал служителем Христа, то не обязан более повиноваться ничьим приказаниям.

Бернардоне стал упрекать сына в том, что он стоил ему огромных денег. Тогда Франциск указал ему на наполненный монетами кошелек. Бернардоне взял кошелек и удалился, но все-таки не оставил в покое сына и пожаловался на него в суд. Консулы Ассизи, приняв жалобу Бернардоне, послали за Франциском, но тот отказался явиться в суд, объявив, что, как служитель Господа, он считает себя неподсудным консулам и не подчиняется их юрисдикции. Консулы, по-видимому, были довольны, что Франциск избавлял их от необходимости высказывать свое решение в столь щекотливом деле, и рекомендовали его отцу обратиться к епископу, что тот и сделал.

На суд епископа Франциск явился с радостью, так как ему представлялась возможность публично засвидетельствовать свою преданность Христу и твердую решимость исполнять Его завет людям. В Ассизи распря Бернардоне с сыном наделала много шума, и

в городе только и было толков, что о ней; поэтому неудивительно, что в день, назначенный для суда, все жители устремились толпой на площадь Санта-Мария Маджоре, где епископ творил свой суд. Во мнении жителей Ассизи Франциск, конечно, был безумцем, но так как его отца никто не любил за гордость, высокомерие и жадность, то симпатии больше склонялись на сторону сына, и все заранее радовались предстоящему унижению Бернардоне.

Епископ изложил громогласно сущность дела, заявив, что Бернардоне желает лишиться своего сына наследства, и предложил этому последнему добровольно отречься от всех прав на имущество его отца. Все с напряжением ожидали, что ответит Франциск, но тот молча удалился в одну из комнат епископского дворца и затем вышел оттуда совершенно голым, держа в руках свою одежду и кошелек с деньгами, которые еще оставались у него.

– Слушайте все, – сказал он. – До сих пор я называл Петра Бернардоне своим отцом, но с этого момента я хочу служить только Богу. Вот почему я отдаю своему отцу деньги, из-за которых он столько мучается, свою одежду и все, что от него имею, и отныне буду говорить только: «Отче наш, иже еси на небесех».

Изумленная толпа внимала Франциску, пораженная его видом и его словами. Нагота его не возмущала чувства стыдливости людей: в XIII веке на этот счет существовали совершенно иные понятия, нежели теперь. Напротив, Франциск сразу вырос в глазах впечатлительной итальянской толпы, и ропот негодования встретил Бернардоне, который, нисколько не смущаясь, свернул одежду Франциска и унес вместе с его тощим кошельком, в то время как епископ прикрыл своим плащом его сына, побледневшего и дрожавшего от холода.

Вернувшись в часовню, Франциск сам себе смастерил грубую одежду и затем занялся осуществлением своего плана реставрации часовни. С этой целью он отправлялся на дорогу

или на городскую площадь и, пропев несколько священных гимнов, объявлял собравшимся людям о своем желании возобновить часовню св. Дамиана. «Каждый, кто принесет мне камень, получит награду», – говорил он.

Многие считали его безумцем, но были и такие, которые, вспоминая его поступок на суде епископа, чувствовали себя растроганными до глубины души. Но Франциска не смущали насмешки людей, и он, не стесняясь, уносил на своих плечах, не приспособленных к такой работе, камни, которые доставляли ему люди по его просьбе.

Весной 1208 года Франциск закончил восстановление часовни св. Дамиана. Он работал не один; нашлось много людей, пожелавших помогать ему, и работа подвигалась быстро.

Покончив с часовней св. Дамиана, Франциск решил заняться восстановлением других приходящих в упадок святилищ. В числе этих реставрированных им церковей находилась также церковь св. Петра и Марии Порциункулы, которая стала впоследствии настоящей колыбелью францисканского движения. Но когда Франциск приступал к ее восстановлению, то у него и в мыслях не было сделаться основателем какого-нибудь религиозного ордена; это случилось само собой. Однажды, слушая чтение Евангелия в отстроенной им церкви, Франциск вдруг как-то особенно проникся словами Спасителя: «Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы своя, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха», – и сердце его преисполнилось радостью. Вот оно, его настоящее призвание, вот то, чего он жаждет всеми силами своей души! Идея подражания Христу, до сих пор имевшая отвлеченный характер, облеклась в осязательную форму, и Франциск понял, в чем должно состоять это подражание. Он будет следовать Христу и разносить Его слово в мире; монах превратится в странствующего проповедника и распространит евангельское учение по всей

земле. В этом будет отныне состоять его назначение и цель.

Таким образом Франциск указал на новую задачу монахам и изменил характер средневекового монашества. Он не удалился от людей, а еще более приблизился к ним и, увлекши многих своим примером, сделался основателем новой и своеобразной религиозной общины.

Франциск нашел свое призвание – и с этой минуты жизненный путь стал для него ясен. Добровольная нищета, смирение и любовь ко всему миру – вот что сделалось его девизом. Он отправился в Ассиз и начал свою проповедь, встречая всех словами: «Да дарует Господь вам мир!» Убежденный, проникновенный тон, которым Франциск говорил народу простые евангельские истины, действовал на слушателей. Когда он появлялся на улицах Ассизи, его немедленно окружали, и чем дальше, тем реже раздавались насмешки, и тем более он овладевал душами своих слушателей, сообщая им тот энтузиазм, который его охватывал. Он проповедовал людям те самые высокие и простые истины, которым некогда внимало человечество под звездным небом Палестины; он восстановил первоначальное евангельское учение любви и сострадания во всей его первоначальной чистоте, и Христос в его проповеди являлся людям не строгим, неумолимым судьей, каким Он представлялся грешникам, как в учении церкви, так и во всевозможных еретических учениях, – а утешителем, к которому должны прибегать все «страждущие и обремененные». В его проповеди путь спасения лишился своей трудности и тернистости, сделался проще и доступнее, причем обрядность потеряла первостепенное значение.

Успех проповеди Франциска именно и зависел от того, что он заговорил с людьми простым, понятным для них языком. Он не подавлял их сознанием греховности, не пугал угрозой наказания, а скорбел об их страданиях и

заблуждениях, и его кроткая речь проникала в душу каждого, облегчая страдания измученной совести средневекового человека, вечно подавленного страхом наказания за свои преступления вместе с тяжелыми условиями жизни и видевшего над собой только неумолимого судью и карателя. Франциск старался примирить людей с жизнью, исцелить их душевные раны и заставить их снова поверить в милосердие Божие.

Спустя некоторое время Франциск приобрел товарища. Это был зажиточный гражданин Ассизи, Бернард Квинтавалле, у которого Франциск часто останавливался. Бернард сообщил ему о своем намерении раздать все имущество бедным и присоединиться к нему.

На другой же день Бернард приступил к раздаче имущества. Франциск помогал ему. Около дома Бернарда собралась целая толпа народа; всех интересовало это непривычное зрелище. Насколько изменились уже воззрения толпы в этом направлении благодаря влиянию Франциска, сказалось именно в ее отношениях к поступку Бернарда. Поступок его возбуждал уже не насмешки и презрение, а, скорее, какое-то смешанное чувство благоговейного восторга и удивления.

Покончив с раздачей, Бернард вместе с Франциском вышли из города. К ним присоединился еще третий обращенный, Петр. Бернард и Петр смастерили себе одежду наподобие одежды Франциска и сняли обувь. Для ночлега они устроили шалаш из ветвей. Не прошло и недели, как их маленькая община пополнилась еще одним членом, известным под именем брата Эгидия.

Первые францисканцы вели жизнь нищих, с которыми они охотно смешивались. Когда число учеников Франциска достигло семи, он обратился к ним со словами: «Идите и проповедуйте слово Божие. Ухаживайте за ранеными, утешайте пораженных горем и возвращайте на путь истины заблуждающихся. Заботу!

свою возложите на Господа, Он будет питать вас».

Братья разошлись в разные стороны. Слух о том, что в Ассизи находятся люди, которые отказались от земных благ, роздали свое имущество бедным и отправились проповедовать покаяние и мир, проник уже в разные города Италии. Как ни странно казалось сначала появление этих проповедников в образе нищих, босых и одетых в грубые хитоны, но народ скоро привык к ним и полюбил их, так как они говорили с ним понятным для него языком и искренно и чистосердечно верили сами в то, что говорили.

В деревнях они встречали лучший прием, нежели в городах. Городское население оказалось более зачерствелым, и трудно было проникнуть ему в душу. Более пылкие из францисканцев уже начинали скорбеть о том, что обращение заблудших на истинный путь совершается слишком медленно. Франциск ободрял их.

Однако он не мог не сознавать, что ему и его братья угрожают серьезные столкновения с духовенством, которое смотрело на них недоброжелательно. Кроме того, Франциск восстановил против себя семьи зажиточных граждан. Многие из богатых людей, увлеченные примером и проповедью Франциска, стали раздавать свое имущество бедным, и это, конечно, очень не нравилось тем, кто рассчитывал на их наследство.

Но чем с большим недоверием смотрело на Франциска духовенство и чем с большей ненавистью относились к нему богатые граждане. опасаясь, что его проповедь причинит им материальный ущерб, тем с большей любовью и доверием прибегал к нему простой народ, угнетенные и обездоленные, стекавшиеся к нему за утешением и духовным подкреплением. Франциск увидел, что его дело разрастается, но все же долго не помышлял об основании нового ордена и не думал вырабатывать

какой-нибудь новый устав. Все это пришло само собой впоследствии, но вначале Франциск только мечтал об основании свободного братства.

Маленькая религиозная община, основанная Франциском, так быстро стала разрастаться, что он понял необходимость выработать для своего братства какие-то правила, устав, в основу которого должна быть поставлена Нагорная проповедь Христа. Но основатель общины вовсе не хотел вступать в борьбу с римской церковью и не желал, чтобы его учение, основанное только на Евангелии, разделило участь всех «ересей». Проповедуя кротость, смирение и непротивление злу, Франциск никогда не позволял себе осуждать церковь. Он не думал о ее преобразовании и не объявлял войны ее учреждениям, но хотел воздействовать на нее примером и кроткой проповедью. Он мечтал только о том, чтобы возродить христианство и тем спасти христианскую общину, подкапываемую со всех сторон еретическими учениями, от угрожающей ей гибели. Франциск надеялся, что, пробудив в людях христианский дух, он увлечет и церковь на путь совершенствования.

Но, чтобы достигнуть этой великой цели, надо было оформить, узаконить положение своей религиозной общины; надо было лишить курию, могущество которой Франциск хорошо сознавал, возможности вредить развитию общины, препятствовать свободной проповеди и, самое главное, надо было избежать зачисления этой последней в разряд ересей, так как это вызвало бы осложнения, которые могли лишить францисканскую общину ее первоначального характера и. быть может, вынудили бы ее к активной борьбе, что, разумеется, претило кроткой и чистой душе Франциска.

Подобного рода соображения заставили Франциска решиться на путешествие в Рим и обращение к папе за утверждением устава своей общины.

Это было в 1209 году. В то время на папском престоле восседал Иннокентий III, один из могущественнейших пап, идеалом которого была всемирная теократия. Время его правления было действительно временем беспримерного могущества и величия папства.

Франциску пришлось вынести целый перекрестный допрос в Риме. Кардиналы никак не могли поверить его искренности, и за ним и его товарищами учрежден был бдительный надзор. В Риме Франциск случайно встретил епископа Ассизи Гвидо, который, приняв «апостола нищеты» под свое покровительство, представил его одному из кардиналов.

Кардинал, согласно обещанию, представил Франциска и его товарищей Иннокентию III, который уже знал о них достаточно из рассказов прелата, постаравшегося расположить папу в пользу Франциска. Папа принял очень милостиво Франциска и его товарищей и сказал им: «Дети мои, жизнь ваша мне кажется слишком суровой; я верю в вашу искренность и рвение, но должен подумать и о тех, кого вы увлечете за собой, так как избранный вами путь может показаться им слишком тяжелым».

Прибавив несколько ласковых слов, папа отпустил их, не дав никакого положительного ответа. Он обещал поговорить с кардиналами и посоветовал Франциску обратиться в молитве к Господу, чтобы Он открыл ему, согласны ли его стремления с промыслом Божиим.

После того папа дал ему и ученикам его тонзуру, т. е. принял их в число служителей церкви и разрешил им проповедовать покаяние и евангельское житие, согласно внушению Господа.

– Идите, дети мои, сказал он им, – и когда Господь умножит вас числом и возвеличит своею благодатью, то Я признаю вас достойными более важных поручений и полномочий.

Радость францисканцев была безмерна, когда, наконец, они добились своей цели и мог-

ли покинуть Рим, где все было для них так ново и чуждо. Они приветствовали как избавление свой выход из Рима, где провели столько дней в мучительной неизвестности, подвергаясь насмешкам папской челяди и чувствуя, что прелаты относятся к ним с плохо скрываемым недоверием и недоброжелательством. Живя в этом большом, шумном и роскошном городе, францисканцы все время испытывали тоску по родине и рвались душой к своим дорогим горам и родному шалашу. Поэтому, не медля ни минуты, тотчас же по окончании церемонии принятия их в число служителей церкви, они отправились поклониться гробнице св. Петра и покинули Рим.

В Ассизской долине, на расстоянии одного часа ходьбы от города, по дороге, ведущей из Перуджии в Рим, находилась полуразрушенная хижина, носившая название Риво Торто. Вблизи нее протекал горный поток, низвергавшийся с горы Субазио, высухавший в жаркое время года, но, становившийся грозным и бурным после грозы. Хижина никому не принадлежала. Прежде она служила убежищем для прокаженных, но после того как эти последние были переведены в госпиталь, она была покинута и постепенно пришла в разрушение. Вот ее-то Франциск и избрал жилищем для себя и товарищей. Уединенное положение хижины нравилось ему, и, кроме того, она находилась на одинаковом расстоянии от часовни св. Дамиана и Порциункулы. Но больше всего привлекала Франциска близость природных маленьких гротов, находящихся в склонах горы Субазио, в лесу. В эти гроты вели крутые, почти отвесные тропинки, удобные только для горных коз, и люди почти никогда не ходили по ним, так что Франциск и его товарищи, вскарабкавшись по этим тропинкам и укрывшись в гротах, могли рассчитывать, что никто не потревожит их уединения. Франциск удалялся в эти гроты, когда им овладевало сильное желание побыть наедине с самим собой и

прислушаться к голосу души. Выбираемые им уединенные убежища находились всегда так близко от населенных местностей, что он мог отправляться туда для проповеди, не отделяя, таким образом, чисто созерцательную жизнь от жизни деятельной.

Ни один биограф не указывает, сколько времени францисканцы пробыли в Риво Торто, но, судя по некоторым данным, они оставались там около года, проповедуя в окрестных городах и деревнях. Во время своего пребывания там им пришлось вытерпеть немало. Эта часть Ассизской долины подвергалась каждую осень наводнениям, и много раз бедные францисканцы были блокированы потоком, так что не могли выйти из своей хижины для отыскания себе пропитания в городе, и довольствовались репой, которую находили на соседнем поле.

Хижина, служившая им жилищем, была так тесна, что когда они собирались вместе, то едва могли двигаться. Для того чтобы каждый знал свое место, Франциск надписал имя каждого брата на бревнах, поддерживавших хижину.

Когда в Ассизи узнали, что Франциск получил разрешение папы, то народ стал настаивать, чтобы он проповедовал в церкви. Духовенство должно было уступить и предложило Франциску говорить проповедь в одной из церквей, которая, однако, оказалась слишком мала, чтобы вместить всех желающих слушать его. так что пришлось открыть для него двери собора.

Франциск не знал никакого богословия, для него Евангелие составляло все, и он занимствовал оттуда те великие истины, которые говорил народу. Он произносил свои проповеди без всякой подготовки; смеялся, плакал, приходил в сильнейшее возбуждение, когда говорил об ужасах войны, о преступлениях народов, об алчности, позорящей церковь, презрении к бедности и жажде материальных

благ.

Успех был поразительный. Бедные и униженные почувствовали, что нашли друга, брата, защитника и почти мстителя за себя. Мысли, которые они едва осмеливались шепотом высказывать друг другу, Франциск произносил громко, не стесняясь, обвинял в пороках богатых и сильных, и даже служителей церкви и всем без различия проповедовал покаяние и любовь. Слова его были криком сердца, воззванием ко всем его соотечественникам, и в них было нечто, напоминавшее библейские времена, пророков Израиля.

Энтузиазм, возбужденный Франциском в населении Ассизи, почти граничил с безумием; он подчинил себе народ, видевший в нем нового мессию. Ученики прибывали, и все хотели идти по стопам Франциска; многим из них, доходившим до религиозного экстаза, казалось, что они видят Франциска возносящимся в огненной колеснице на небо.

Число учеников Франциска быстро умножалось, и папа Иннокентий III, ставя свои условия Франциску, конечно, не мог этого предвидеть. Францисканцы уже не могли вести такую бродячую жизнь, как прежде; им нужно было основать где-нибудь постоянное пристанище и иметь в своем распоряжении хоть небольшую часовню. Напрасно они обращались с такой просьбой к епископам и каноникам – никто не хотел дать «нищим» место, и только после долгих исканий францисканцам удалось склонить бенедиктинского аббата в Субазии уступить им в вечное владение часовню Божьей Матери Порциункулы. Франциск был в восторге от этой удачи и тотчас же, вместе с братьями, принялся за постройку нескольких хижин возле церкви. Хижины были обнесены живой изгородью, и двое-трое суток было достаточно, чтобы организовать первый францисканский монастырь.

Десять лет монастырь этот вполне удовлетворял потребностям францисканцев, и эти

десять лет можно считать самым героическим временем их ордена. Вокруг монастыря был густой лес, в котором обыкновенно собирались все братья, чтобы получить наставления от своего учителя. Францисканцы проявляли активную деятельность. Глава их не терпел лености, был очень строг с ленивцами и одного из братьев, не желавшего работать и ограничивавшегося лишь прощением милостыни, он изгнал из общины, назвав его трутнем, который сам меда не делает, а только ест чужой. Братья, вступавшие в орден, продолжали заниматься тем же ремеслом, которым занимались раньше. Если же они не знали никакого ремесла, то должны были научиться ему. В награду за труд им позволялось принимать только необходимую пищу, и единственной собственностью, которую они могли иметь, были орудия ремесла. Только тогда, когда они не могли заработать себе дневное пропитание, им разрешалось просить милостыню.

Возмущенный и напуганный беспорядками и злоупотреблениями, местом которых сделалась церковь, и преследуемый грустными воспоминаниями о своей прошлой жизни и заблуждениях, Франциск видел в деньгах орудие дьявола и, постоянно думая об этом, дошел до того, что презренный металл стал ему казаться одаренным какою-то магической, роковой силой как бы по тайному проклятию, которое тяготело над ним. И Франциск возненавидел деньги всеми силами души, как только можно ненавидеть своего смертельного врага.

Ученики Франциска большей частью вышли из ассизской молодежи. Это были преимущественно сыновья земледельцев, крестьяне; некоторые происходили из благородных семейств, но церковь и школа имели в среде францисканцев очень мало представителей. Вступление в общину не сопровождалось никакими затруднениями. В теории требовалось абсолютное повиновение настоятелю, но на практике Франциск предоставлял

своим братьям полную свободу действий. Чтобы вступить в орден, достаточно было только заявить Франциску о своем желании вести евангельский образ жизни и подтвердить это желание раздачей бедным всего имущества. Таким образом, и ордене францисканцев совершенно отсутствовала феодальная и аристократическая организация, существовавшая в средневековых монастырях. Община Франциска представляла собой настоящую религиозную республику, свободную и покоящуюся на вполне жизненных началах. Такая простая организация ордена немало способствовала его успеху.

Вскоре, однако, вследствие распространения францисканской проповеди почти на весь запад Европы пришлось выработать устав и учредить некоторые должности. Францисканскими провинциями заведовали так называемые «*ministri provinciales*» (областные начальники), и затем уже учреждена была должность «*ministri generales*» (генеральные начальники), которые собственно были управителями общины и впоследствии назывались генералами францисканского ордена, но тогда, по идее смиренного Франциска, должны были быть только советниками и блюстителями францисканской общины, настоятель которой должен был жить в Ассизи и выбирался на три года советом из областных и общих начальников.

Любовь ко всем созданиям, составлявшая основную черту характера Франциска, образовала связь между монахом и внешним миром и смягчила суровый аскетический идеал. Монах, являвшийся всегда олицетворением скорби о грехах и вносивший своей черной рясой смущение в веселящуюся толпу, напоминая о бренности мира и об ожидающей грешников страшной каре за грехи, совершенно преобразовался в лице Франциска. Франциск желал быть глашатаем благой вести в народе и поэтому всегда являлся с радостным лицом.

Внутренняя гармония, господствовавшая в его душе, невольно действовала на каждого, вступающего с ним в общение, озаряла, согревала и восстанавливала ясность духа, разгоняя тоску и уныние. Личность Франциска окружена была каким-то особым поэтическим ореолом, и между францисканцами расцвела замечательная во многих отношениях религиозная поэзия.

Монашеский аскетизм Франциска вообще отличался от мрачного и сурового аскетизма средних веков тем, что он был чужд всякого фанатизма. Отвергая семью, Франциск далеко не вносил в это отречение той суровости и жестокого отношения к женщине, которое характерно для средневекового монашества. Он вовсе не презирал женщин, хотя и избегал их до такой степени, что, как он сам заявил одному из своих товарищей, не знал в лицо ни одной из них, но его осуждение брака исходило лишь из того соображения, что семья слишком поглощает внимание человека и заставляет его заботиться только о себе.

Оригинальность Франциска заключается именно в том, что он всегда и во всем ставил сущность выше формы. Поэтому-то он был против истязаний и говорил своим братьям, что главное «любовь, а никак не еда и не исполнение обрядов». Этот принцип любви, почерпнутый Франциском в личности Христа и преимущественно в Его человеческом образе, послужил новым началом, преобразовавшим средневековое аскетическое мировоззрение и придавшим новый смысл монашеским добродетелям. Любовь к человеку выражалась у Франциска весьма характерно; он питал особенную нежность и сострадание к грешникам и преступникам, ко всем тем, кто нуждался в сострадании, и в этом отношении он составлял полную противоположность господствовавшему в тогдашней монашеской среде гордому презрению к человеческим слабостям и порокам. Преступник и грешник в глазах

Франциска нуждались главным образом в милосердии.

Популярность общины росла не по дням, а по часам. Когда Франциск входил в какой-нибудь город, все жители выбегали к нему навстречу: Иногда площадь не могла вместить огромной толпы, желавшей слушать его проповедь. Дети целыми толпами встречали его на дороге, неся зеленые ветви и хоругви и распевая священные гимны. Колокола звонили, словно к Христовой заутрене. Рабочие корпорации, ремесленные цехи – все устремлялись к нему, охваченные энтузиазмом. Слушая кроткую проповедь Франциска, бедняки, очерстневшие в постоянной борьбе с нуждой, привыкшие видеть всегда только торжество силы и богатства, чувствовали, что есть Господь бедных, униженных и несчастных, и им казалось, что Он простирает к ним руки и они слышат призыв: «Придите ко мне все страждущие и обремененные и Я успокою вас».

Но чем больше росло влияние и значение францисканской общины, тем более заботился Франциск о том, чтобы суетные чувства не проникли в души его братьев. Он строго завещал им никогда не испрашивать никаких привилегий у папства и не занимать высоких должностей. Главным их назначением должна быть апостольская проповедь Евангелия темному, невежественному народу. Франциск требовал, чтобы францисканские общины не имели даже никакой общей собственности, и чтобы его братья никогда не имели никаких земных забот и не знали, чем будут питаться на другой день. Молитвенники, церковная утварь – все это находится лишь в их временном пользовании и отнюдь не составляет их собственности. «Собственность, – говорит он, – заставляет людей враждовать между собой, поэтому труднее попасть на небо из палат, чем из хижины», Отречение от собственности должно быть полное и безусловное, и в этом отношении Франциск был неумолим,

так что, например, отказался принять ученика» который роздал свое имущество не просто бедным, а своим родным.

Устроенная на таких началах община, конечно, скоро завоевала всеобщие симпатии. Вскоре по возвращении из Рима Франциск учредил женский отдел своей общины, во главе которого стала св. Клара, дочь ассизского богатого дворянина, увлекшаяся проповедью Франциска. Но гораздо большее значение имел орден «кающихся мирян», так называемые «терциарии», куда могли вступать равно как мужчины, так и женщины, охраняя свое имущество и общественное положение и оставаясь в супружестве. От них не требовалось монашеского образа жизни, а лишь возможно большее приближение к идеалу, изображенному в Нагорной проповеди. Они должны были воздерживаться от клеветы, употребления оружия, слишком светской жизни, но во всех отношениях устав этой общины мирян допускал много смягчений и исключений. При вступлении в общину члены обязаны были только вернуть все несправедливо ими присвоенное и примириться с врагами; жены же должны были получить согласие от своих мужей. В учреждении этой общины просвечивает та же идея, на которой зиждется вся проповедь Франциска – желание обратить весь мир к евангельскому житию. Посредством этой общины его проповедь могла иметь влияние на общество, смиряя высокомерие богатых и ободря бедных. Общины «кающихся мирян» далеко раскинулись и за пределы Италии, соединив духовными узами людей, отчужденных друг от друга суровым сословным духом средневекового общества.

По установленному Франциском обычаю все братья должны были собираться сначала два раза в год, затем один раз, в Порциункуле, колыбели ордена, где они сообщали о своей деятельности Франциску, советовались с ним и делились между собой своими впечат-

лениями и надеждами. Вскоре такие собрания приняли характер генеральных капитулов, на которых обсуждались статуты ордена и все, что касалось его дел. При жизни Франциска на таком капитуле собиралось до пяти тысяч человек, но вскоре орден так разросся, что на капитул стали сходить только делегаты от отдельных францисканских общин.

Франциск на этих капитулах всегдаставлял братьев остерегаться несправедливости и чрезмерной строгости по отношению к грешным людям, погрязшим в суете мирской. «Главное, вы должны носить мир в сердце и никогда не вызывать никаких раздоров и не служить поводом к каким-нибудь скандалам или неприятностям. – говорил Франциск. – Наша жизнь должна быть такова, чтобы каждый, видя нас и слушая нас, чувствовал потребность восхвалять Господа».

Успех проповеди Франциска среди христиан внушил ему совершенно новую для того времени мысль отправиться проповедовать Евангелие неверным. До Франциска такая миссионерская деятельность была совершенно неизвестна, и духовенство ограничивалось лишь тем, что возбуждало в своей пастве фанатизм и злобу против неверных, или отправляло толпы крестоносцев для их истребления. Франциск первым решил отправиться к магометанам и язычникам с проповедью мира и Евангелием в руках вместо оружия. Таким образом, миссионерская деятельность сделалась одной из главных задач францисканского ордена. Франциск, впрочем, учреждая миссионерскую деятельность, имел в виду еще и другую цель. Число братьев так умножилось в Италии, что необходимо было открыть им новые области для проповеди, и поэтому Франциск, не очень заботившийся об обращении еретиков и не чувствовавший склонности к богословским спорам и книжной учености, решил направить деятельность францисканцев в страны язычников и мусульман, причем пер-

вый подал пример, явившись в лагерь крестоносцев под стенами Дамьетты в Египте.

По возвращении на родину Франциск нашел общину свою в самом цветущем состоянии. Ветви ее раскинулись по всей Европе, и в 1215 году папа торжественно утвердил францисканский орден на Латеранском соборе. Франциск мог радоваться за свое дело, оно разрасталось, но именно этот быстрый рост и был причиной того, что Франциску при жизни пришлось постоянно бороться за сохранение самостоятельности ордена и той евангельской простоты, которая была им положена в его основу. Поэтому-то он так неохотно соглашался на то, чтобы ордену его дарованы были Римом какие бы то ни было привилегии. Франциск видел в этих привилегиях, которых так добивались другие монашеские ордена, только золотые путы, изменяющие и нарушающие первоначальный характер францисканской общины. Особенно трудно было ему бороться с группой недовольных в самом ордене. Среди францисканцев было уже много людей образованных, которым не нравилась чрезмерная простота устава ордена, не правилось то, что. Франциск упорно противился всякому возвышению ордена и усилению его могущества. Франциск не позволял своим братьям занимать каких бы то ни было духовных должностей, они не могли надеяться ни на какое повышение в церковной иерархии и не смели владеть никакой собственностью. Упорство Франциска в данном случае, конечно, вызывалось опасением, что если он допустит малейшее отступление от первоначального принципа, то орден его вступит на торную дорожку всех монашеских общин и перестанет быть тем, чем он был до сих пор, т. е. свободной религиозной общиной, не связанной никакими сословными или иными предрассудками и стремящейся не к власти и влиянию, а к распространению среди людей евангельских истин.

Первая попытка нарушения постановлений Франциска была сделана во время его отсутствия. Когда он отправился проповедовать Евангелие неверным, оставленные им вместо себя во главе общины викарии тотчас же после его отъезда начали все переделывать и вносить нововведения в устав ордена; конечно, они прежде всего постарались изменить характер обета нищеты и усложнили правила ордена, увеличив число постов и разных обрядностей, которым Франциск не придавал никакого значения. Во всем этом было видно явственное желание заключить францисканскую общину в рамки обыкновенной монашеской общины и стремление к власти и влиянию.

Однако все эти нововведения не встретили общего сочувствия во францисканской братии; нашлись такие, которые протестовали против извращения духа общины, основанной Франциском. К Франциску был отправлен один из братьев, чтобы сообщить ему о переменах в ордене и попросить его о скорейшем возвращении.

Франциск сильно встревожился и поспешил вернуться. Он действительно нашел большие перемены. Подъезжая к Болонье, Франциск узнал о постройке дома для братьев-францисканцев. По прибытии на место Франциск немедленно велел всем выбраться из дома, даже не делая исключений для больных. Только тогда, когда кардиналу Уголино удалось убедить Франциска, что дом вовсе не принадлежит францисканской братии, а ему самому, т. е. кардиналу Уголино, Франциск согласился, чтобы братья временно проживали в нем.

Как ни горячо отстаивал Франциск неприкосновенность первоначальных принципов своего ордена, но он должен был, в конце концов, преклонить голову перед силой обстоятельств. К тому же годы, лишения и болезнь брали свое. Франциск чувствовал потребность

в покое и уединении, но всячески старался переломить себя. Он часто вспоминал в это время об одном сновидении, которое теперь казалось ему пророческим: ему снилась однажды черная курица с весьма многочисленным потомством. Бедная курица никак не могла прикрыть всех цыплят своими крыльями, и это тревожило ее. Франциск чувствовал себя в положении этой курицы. Его братия так умножилась, что он уже не имел возможности собирать ее возле себя, и хотя все еще оставался центром, но не мог не сознавать, что орден его слишком разросся, и он не в состоянии один управлять и следить за ним.

Умный и хитрый кардинал Уголино, которому Франциск почему-то полностью доверял, воспользовался таким настроением Франциска, чтобы убедить его в необходимости следовать советам благоразумия и ввести свой орден в обыкновенные рамки, установленные для всех религиозных орденов, выработав для него соответствующий подробный устав на основании существующих уже уставов, освященных традициями церкви. Франциск чувствовал, что кардинал посягает на его высокий идеал и низводит его до уровня житейских требований, но он уже не мог противиться этому, не мог представить возражений на софистические доводы кардинала, старавшегося даже уверить Франциска, что он обнаруживает непокорность церкви, не соглашаясь подчиниться ее постановлениям. Хитрый кардинал так искусно вел свою тактику, что одержал победу над смиренным Франциском, в самом деле почувствовавшим себя как будто виноватым, и даже добился того, что Франциск согласился просить, чтобы папа назначил кардинала официальным протектором ордена. С этого момента для францисканцев наступила новая эра, они сделались монашеским орденом в самом узком смысле этого слова, и вместе с тем начал меркнуть идеал, во имя которого жил и действовал Франциск.

После капитула 1221 года, на котором был принят новый устав ордена, поражающий прежде всего своею обширностью, так как он занимал 10 страниц *in folio*, между тем как первый устав был написан на трех, эволюция ордена совершалась с необычайной быстротой. Ничто уже не могло задержать естественное течение вещей, установление иерархии ордена повело за собой учреждение резиденций и монастырей, при которых оказалось необходимым иметь свои собственные церкви, и т. д. Папство содействовало всеми зависящими от него средствами такому превращению францисканской общины, так как в своем новом виде францисканский орден мог быть очень полезен римской курии приобретенным им влиянием и репутацией. Но сам Франциск уже совершенно отступил на задний план. Его заменил в управлении орденом сначала Петр Катанский, а затем, после смерти Петра, на место его был поставлен честолюбивый и умный францисканец Илья, сделавшийся окончательным преемником Франциска после его смерти.

Покорившийся тому, что оказалось сильнее его, Франциск сошел со сцены и стал большую часть времени проводить в уединении, в горах своей любимой Умбрии. В центральной Италии нет ни одной местности, где бы не сохранилось о нем воспоминания. Между Флоренцией и Римом то и дело встречаются холмы, хижины и гроты, носящие его имя или имя кого-нибудь из его учеников. Однако его продолжали посещать верные ученики, недовольные новым духом, воцарившимся в общине. Случалось, что Франциск, вероятно, подавленный нравственно таким искажением его идеала и искавший успокоения души в чувстве смиренной покорности, говорил им о таком смирении и послушании, которое должно быть идеалом каждого монаха.

Такое стремление к безусловному пассивному послушанию, к уничтожению в себе вся-

кого протеста, ясно указывает на угнетенное душевное настроение Франциска, так как оно отчасти напоминает стремление к самоуничтожению, желание лишиться способности чувствовать и страдать, которое овладевает человеком во время сильных нравственных и душевных мук.

И действительно, Франциск должен был глубоко страдать нравственно, наблюдая, как постепенно «плотский дух» вторгается в его учреждение и облакает его в земные формы. Обет нищенства постепенно терял свое значение, и на сцену выступали властолюбие и забота о мирских интересах. Уступая духу века, община его невольно становилась центром учености, и Франциск с горем видел, что в ней, вместе с расширением ее знаний и учености, возникает худший из пороков: высокомерие и гордость, заменившие прежнее смирение, бывшее основной добродетелью францисканцев.

Больше всего его огорчало, конечно, то, что его последователи отказались совершенно от прежней апостольской жизни. Под предлогом службы брата поступали к самым знатым лицам папского двора и делались их доверенными, становясь, таким образом, не ниже, а выше всех прочих. Мало-помалу между ними выработался какой-то особый класс придворных, и они принимали участие в различных интригах, на которые всегда были так падки римские прелаты. Франциск не мог протестовать против этого, но глубоко скорбел. Сам он до такой степени дорожил своей независимостью, что не мог пользоваться ничьим гостеприимством, и всегда чувствовал непреодолимое стремление к свободе. Однажды, чувствуя потребность в покое, он принял предложение одного кардинала, любившего его, и поселился у него на время, но не выдержал даже нескольких дней, сказав, что демоны выгоняют его из «тюрьмы». Это сравнение гостеприимства кардинала с тюрь-

мой весьма характерно для Франциска.

Неурядицы в его ордене и проявление несимпатичных сторон заставляли Франциска все чаще искать уединения и утешения в беседе с Богом. Он чувствовал, что конец его близок, так как силы его падали, зрение слабело, и он почти не мог переваривать пищу. В это время он все больше обращался мыслью к страданиям Спасителя, и постепенно чувство любви к Христу и жалости к его страданиям так охватило Франциска, что заставило его переживать с необыкновенной яркостью и реальностью все отдельные моменты жизни Иисуса Христа. Заветом всей жизни Франциска было подражание Христу, и Франциск действительно ни разу не уклонился от этого принципа. Но раньше он только стремился провести его в жизнь, стараясь, чтобы ни один шаг его не противоречил идее смиренного, страждущего проповедника мира и любви; когда же он стал вести более созерцательную жизнь и начал всецело отдаваться помышлениям о страданиях Спасителя, то его все сильнее охватывало желание разделить муки Христа, испытать ощущение его ран. Проводя в молитве целые дни и ночи, Франциск, в том душевном и физическом состоянии, в котором он находился, легко, конечно, мог достигнуть экстаза. Поглощенный мыслями о страданиях Христа, он целые часы проводил у подножия алтаря в маленькой уединенной часовне на горе, читая и перечитывая главы Евангелия, посвященные страстям Господним, после чего удалялся в лес и там опять-таки мысленно переживал прочитанное. Когда Франциск раскрывал Евангелие, то непременно, вследствие частого чтения этих глав, оно само собой открывалось на описании страстей Господних. В этой простой, легко объяснимой случайности Франциск видел указание свыше.

Предчувствуя близость кончины, Франциск страстно желал умереть на родине, и весной с большим трудом и беспрестанными

остановками был перенесен в Ассизи. Там ему был оказан самый восторженный прием – все население вышло к нему навстречу. Целое лето и часть осени Франциск, больной и страдающий, пролежал в доме епископа, но физические муки не помешали ему, однако, сочинить гимн «сестре нашей, телесной смерти».

Лечивший Франциска врач предупредил его о приближении конца. Тогда Франциск попросил братьев перенести его в такое место, откуда бы он мог видеть часовни св. Дамиана и Порциункулы. Когда его принесли к этой последней часовне, он сказал, обращаясь к братии: «Никогда не покидайте этого места: оно священо».

Франциск умер в тихий, ясный осенний вечер; освещенный лучами заходящего солнца. Это было в октябре 1226 года. Тело Франциска на другой же день было перенесено в соборную церковь Ассизи и положено в подземную часовню. Но не успела зарости могила Франциска как над ней разыгрались людские страсти. Принципы властолюбия и заботы о мирских интересах столкнулись с идеализмом, заложенным в основу ордена. Прежде всего было отвергнуто завещание Франциска как несогласное с уставом, утвержденным церковью; первоначальный же устав ордена, как слишком суровый и несогласный с требованиями жизни, был изменен папой Григорием IX (бывший кардинал Уголино), который при этом выдвинул на сцену свои тесные отношения с Франциском. Все это вызвало раскол; орден распался на две ветви: конвентуалов и

обсервантов, за и против смягчения устава и монастырской собственности. Распря над могилой миротворца приняла ожесточенный характер. Обсерванты, восставая против материализации ордена, сделались, в конце концов, яркими противниками папской теократии и зачастую не только подвергались преследованию, но даже погибали на костре. Завещание Франциска было конфисковано и уничтожено; в своем ослеплении представители противоположных воззрений дошли до того, что сожгли его на голове одного из тех, кто требовал строгого соблюдения устава учредителя ордена.

Спустя два года после смерти смиренный последователь Христа был торжественно признан святым. Папа Григорий IX сам прибыл в Ассизи, чтобы канонизировать его. Преемник Франциска Илья пригласил знаменитого архитектора из Германии для строительства храма близ Ассизи, на холме, на котором, по преданию, совершалась прежде казнь преступников. Холм этот был назван «Холмом рая». На нем возвысился первый готический храм в Италии, и как только он был готов, тело Франциска перенесли туда.

Итак, над телом смиренного Франциска, врага всякой пышности и обрядов, не желавшего при жизни иметь иного крова, кроме древесных ветвей, возвысился вскоре новый великолепный храм. Он лучше всего свидетельствует о той эволюции, которую совершила францисканская идея.